

— Это и есть тот самый молодой господин? — усмехнулся Ху Цяобо. — Видел его взгляд? Он готов был разорвать меня на части! С каких пор ты полюбил таких мальчишек? Что он умеет? Защитит тебя?

Се Цюци счёл его поведение ребяческим:

— Кто здесь ребёнок? Ты думаешь, все такие, как ты, и неспособны думать о серьёзном?

— О серьёзном? Ладно, поговорим о серьёзном. Сейчас это я помогаю тебе с Хазой, а не он. Он только тебе помеха!

— Он своей жизнью спас мою, а потом сам выбрался. Напомню: если бы ты не угодил в лапы к Хаза и не вынудил Олу подчиниться, его бы и не пришлось выручать.

— А почему меня схватили? Потому что ты заставил Олу уволить меня!

— Что? Не согласен?

Ху Цяобо был похож на разъярённое и обиженное животное:

— Сяо Цю, что бы ты со мной ни сделал, я согласен. Я сам виноват. Считаешь меня дрянью — не спорю, я и есть дрянь. Но ты думаешь, этот молодой господин — пай-мальчик? Думаешь, он такой уж простой, милый, добрый? Его отец — крупнейший капиталист, сам он хитрее любого, и если захочет тебя обвести вокруг пальца, ты ещё и денежки ему пересчитаешь!

— Не тебе говорить мне такие вещи! — резко вскочил Се Цюци и вцепился Ху Цяобо в воротник. — Ты ещё дышишь и можешь совать ко мне свой нос только потому, что я дал тебе шанс. Ху Цяобо, запомни: с той минуты, как я встретил тебя на фабрике Олы, твоя жизнь — моя подачка. Каждую лишнюю минуту, что ты живёшь, ты должен благодарить меня.

Ху Цяобо вздрогнул. Этот Се Цюци не был тем красивым официантом, которого он знал.

Терпение Се Цюци лопнуло. Ху Цяобо не хотел говорить нормально — ну и не надо:

— Будь ты бесполезен, думаешь, я позволил бы тебе жить? Как только Хаза «умрёт», ты больше не понадобишься. Лучше подумай о своей шкуре, а не обо мне. — Он холодно бросил:

— Вали отсюда!

Пнул его так, что тот повалился на пол, и Ху Цяобо, поднявшись, выскочил из комнаты.

Если бы не его появление, Се Цюци бы и забыл, что должен извиниться перед Чжэн Кэ. В конце концов, это он вовлёк Ху Цяобо, из-за чего Чжэн Кэ попал в беду, да ещё и выслушал кучу гадостей за своей спиной.

Се Цюци чувствовал вину, но, обойдя весь дом, не нашёл молодого господина и решил отложить разговор, сначала приняв душ.

Не прошло и десяти минут после того, как он лёг в постель, как раздался стук в дверь. На пороге стоял Чжэн Кэ с огромной подушкой в обнимку.

— В комнате нет отопления, одному спать слишком холодно.

Се Цюци усмехнулся и подвинулся:

— Забирайся.

Чжэн Кэ, сияя, положил подушку рядом и прижался к нему горячим телом. Пока его не было, Се Цюци и не замечал холода, а теперь стало так уютно, что не хотелось шевелиться.

Чжэн Кэ уткнулся головой в промежуток между подушками, поёрзал, потом смутился — слишком уж похоже на детские нежности. Он посмотрел на Се Цюци с невинной улыбкой.

— Только что искал тебя, но не нашёл. Где был? — спросил Се Цюци.

Чжэн Кэ не решился сказать, что ходил к Оле выведывать подробности о Ху Цяобо:

— Эм... Брат Син попросил помочь, я был у него.

Се Цюци не стал допытываться:

— Я решил: завтра утром, когда всё уляжется, я отправлю Ху Цяобо обратно в поместье командира. Это он передал информацию, чтобы обмануть Хазу, и теперь люди Хазы готовы разорвать этого предателя на части. Это я его сюда притащил, так что приношу тебе извинения — заодно и отомстишь.

Чжэн Кэ уловил нотку извинения, но это было не то, чего он хотел:

— Ты... готов отдать его на растерзание?

Се Цюци удивился:

— Что?

— Хаза забрал у семьи Мваку богатство и власть, Ола изо всех сил сражалась с ним, но всё же не хотела его смерти. Ху Цяобо всё же твой... бывший. Ты действительно готов отдать его на растерзание людям Хазы? — спросил Чжэн Кэ.

Се Цюци замолчал. Чжэн Кэ считал его жестоким и бесчеловечным?

— А как, по-твоему, мне поступить? — спросил он.

Чжэн Кэ покачал головой:

— Это твоё личное дело, мне не вмешиваться. Просто я не хочу, чтобы тебе было плохо. Если он умрёт, тебе будет больно, правда?

Се Цюци ответил честно:

— Не знаю.

Эти слова «не знаю» кольнули Чжэн Кэ. Се Цюци не совсем утратил чувства к Ху Цяобо. Он ненавидел его, но ненависть — тоже чувство; не любовь, но всё же что-то. Чжэн Кэ завидовал даже этой ненависти.

— Давай спать, завтра поговорим, — Чжэн Кэ закрыл глаза, избегая продолжения темы.

Се Цюци выключил свет. В темноте он слышал сдержанное дыхание Чжэн Кэ. Он знал, о чём тот думает. Он не дурак — слова Чжэн Кэ, его взгляды были слишком красноречивы. Но он не

хотел, чтобы Чжэн Кэ продолжал в том же духе. У того впереди большая жизнь.

Пока не поздно. Он тихо погладил мягкие волосы юноши:

— Чжэн Кэ, не люби меня. Я не стою этого.

Сердце Чжэн Кэ провалилось в бездну, конечности оледенели, в горле запершило.

— Это из-за Ху Цяобо? Ты всё ещё любишь его? — не удержался он.

Се Цюци ответил сразу же:

— Нет.

Слишком быстро. Чжэн Кэ счёл это признаком смущения. Он злился: его не было рядом всего десять дней. Десять дней — даже на оформление кредитки нужно больше времени, а Ху Цяобо уже успел всё испортить.

Чем он хуже Ху Цяобо? Неужели Се Цюци его так ни во что не ставит?

— Чжэн Кэ, тебе кажется, что ты любишь меня, потому что я сейчас единственный рядом, кажусь незаменимым. Когда ты вернёшься в Макао и вернёшь своё, ты поймёшь, что это не так. Ты найдёшь того, кого действительно полюбишь, мужчину или женщину — того, кто тебе под стать, с хорошим образованием, воспитанием, умеющего жить и ценить прекрасное. Такой человек достоин быть главой семьи Чжэн. Вот это и будет твоя жизнь, — убеждал его Се Цюци.

Чжэн Кэ, собравшись с духом, сел и возразил:

— Моя жизнь — моё дело, не надо прикрываться высокопарными словами. Разве я сам не знаю, люблю ли я кого-то? У меня что, чувств нет? Разве можно ошибиться, любя кого-то? Я знаю, что люблю тебя. Я знаю, что ты стоишь того, чтобы за тебя бороться. А ты? Ты хоть раз посмотрел на меня всерьёз? Хоть раз увидел во мне мужчину? Се Цюци, я больше не тот ребёнок, который рыдал в аэропорту!

Он упрямо ждал ответа, вытянув шею. Но Се Цюци не знал, что ответить.

На лице Чжэн Кэ отразились разочарование и обида. Он вдруг вскочил, схватил подушку и, громко шлёпая тапками, выбежал из этой удушливой комнаты.

Се Цюци впервые оказался под таким напором и на мгновение опешил. Постель остыла, и лишь тогда он почувствовал, как смешно это выглядело.

Чжэн Кэ был прав. Его жизнь должна быть его решением.

Этот ребёнок действительно вырос. Ему больше не нужны были ни поводырь, ни защита.

На следующий день в воздухе витала неловкость, что заметила даже Ола.

— Что с вами? — спросила она Се Цюци. — Только воссоединились — уже поссорились?

Се Цюци ответил рассеянно:

— Дети поссорились. Через пару дней остынут.

Ола не стала лезть дальше. Её собственное выживание ещё висело на волоске:

— Тогда займёмся делом. Жду хороших новостей.

Скорая помощь уже была на месте, с двумя профессиональными врачами и сывороткой от змеиного яда. Син Чжифэй сел за руль.

Се Цюци взял снайперскую винтовку и вместе со снайпером отправился на позицию. Он нашёл пятиэтажный дом, дал денег снимавшей комнату проститутке, и снайпер принялся устанавливать винтовку, выбирая угол. Оставалось дожидаться, когда машина Хазы проедет, выстрелить в шины, остановить её — иначе, если наёмники успеют сделать своё дело, скорой помощи уже не понадобится.

Тюрьма находилась в оживлённом районе, напротив шумел рынок, кишущий народом. Лазутчики смешались с толпой: кто-то притворялся, что читает газету в киоске, кто-то пил кофе на углу, кто-то перекидывался шуточками с проститутками — казалось, никто не обращает внимания на охраняемую тюрьму.

Ближе к половине одиннадцатого начали подъезжать роскошные автомобили, появилось много людей.

— Выходят, — тихо доложил наблюдатель.

<http://bllate.org/book/15957/1426900>